

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

27 февраля 2020 – 15:30

Леонид Владимирович Максимов

Психологизм и антипсихологизм в философии морали

Тезисы доклада

1. Психология морали – весьма популярная (особенно в последние годы) тема в этической литературе. Эта широкая тема объединяет множество разных исследовательских направлений и проблем. В частности, предметом полемики является вопрос о психическом или внепсихическом статусе морального сознания: являются ли принципы, нормы морали и основанные на них оценки, решения, мотивы поступков, побуждения к действию и пр. феноменами психики и, следовательно, могут ли они быть объектами психологического исследования? Альтернативные ответы на этот вопрос (и соответствующие концепции в составе теоретической этики) получили «говорящие» названия: психологизм и антипсихологизм.

Психологизм, как правило, сочетается с моральным релятивизмом и в этом сочетании характерен для натуралистической этики; антипсихологизм же концептуально связан с моральным абсолютизмом, а тем самым – с метафизической (трансценденталистской) парадигмой этической мысли. Поэтому дилемма психологизма и антипсихологизма в философии морали рассматривается чаще всего в контексте противостояния натурализма и метафизики.

2. Для сторонников психологизма моральные интенции (стремления, ценностные отношения) всегда ассоциируются с «чувственностью», причем не с *перцепциями* (ощущениями, восприятиями, представлениями), которые тоже принято относить к сфере «чувств», а с *эмоциями*, переживаниями, актами воления. С этих позиций функционирование морали описывается в таких *психологических* понятиях, как *чувство* долга, одобрения, осуждения, угрызения совести и др., – хотя собственно моральная специфика этих интенций часто не учитывается, они сводятся к «обычным», «понятным» переживаниям: симпатия и антипатия, любовь и ненависть, сопереживание и проч. Разум, т.е. способность к абстрактно-понятийному мышлению и познанию, также трактуется (с позиций психологизма) как феномен психики, выполняющий определенную функцию в моральном сознании, а именно – фиксирующий в понятийной форме *содержание* моральных установлений и мысленно подводящий под это содержание конкретные жизненные ситуации. Т.е.

в парадигме психологизма разум не рассматривается как *первоисточник* и «генератор» моральных норм и мотивов в их содержательной и интенционально-побудительной ипостасях, поэтому при решении традиционной для этики дилеммы разума и чувств (как двух «конкурирующих субъектов» морального выбора) приоритет отдается чувствам.

Признаки методологического психологизма (не всегда рефлексированные и вербализованные самими авторами) превалируют в этическом сентиментализме, в теории нравственного чувства, аффективно-волевой теории ценностей, а также в эволюционной этике, этологии, психоанализе... В некоторых современных исследованиях морального феномена можно заметить тенденцию перерастания психологизма в «нейрофизиологизм»; так, в общем русле «когнитивной психологии» сложилось направление (под названием «нейроэтика»), исследующее «нейрофизиологические основания морали», в частности – «влияние чувства отвращения на моральные решения» (В.А. Бажанов. Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейроэтика // *Философские науки*. 2017, № 6. С. 64). Еще одна цитата того же автора: «В приложении к трактовке морали психологизм означает, по видимому, ее своеобразную натурализацию и субъективизацию, имея в виду утверждение о наличии естественных оснований нравственности, заложенных на нейронном уровне. Всесторонний анализ процессов нравственной мотивации, аргументации, принятия решений вряд ли оказывается возможным без учета психологической и нейропсихологической организации индивида, без обращения к глубинным свойствам его личности, его «жизненного мира» (В.А.Бажанов. Социально-культурная революция в нейронауке: новые грани кантианской программы // *Вопросы философии*, 2016, №8. С.126 – 137).

3. Антипсихологизм по сути лишает мораль психической «плоти», отвергая наличие какой-либо связи моральных максим и нравственного закона с любыми «чувствами» и объясняя истоки и практическую реализацию моральных императивов через деятельность спекулятивного разума, способного не только «познавать», но и производить моральные императивы, определять волю, т.е. быть «практическим».

Но каким образом эта «внепсихическая» способность человеческого духа может выполнять функцию морального долженствования, категорически предписывать определенный образ действий, выносить одобрительный или осудительный вердикт? Со времен Сократа и Платона спекулятивная онтология ценностей представляла эту процедуру так, будто человеческая душа, *познав* объективное

(иномирное) добро, *тем самым* становится носителем доброго начала, т.е. человек благодаря этому «знанию» *уже мотивирован* к соответствующим поступкам и не нуждается в какой-то особой чувственной интенции. Подобным же образом этический интеллектуализм XVIII в., принявший идею о морали как некотором виде рационального *знания*, приписал этому знанию *императивную* функцию (см.: *Артемьева О.В.* Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. М.: ИФРАН, 2011. С. 174 и далее). В этической теории Канта, как и в других трансценденталистских учениях, моральный долг, лишенный всякой «материи желания», *с необходимостью* вменялся ноуменальному субъекту «чистым разумом»; причем эта «необходимость» (или «категоричность») понималась не в психологическом, а в логико-эпистемологическом смысле. Способность разума не только мыслить, познавать, но и быть особым – без участия «чувств» – побудителем, движителем человеческих поступков, представлялась Канту *очевидным фактом* (надо сказать, в полном согласии с расхожим, *обыденным* пониманием этого духовного механизма). Вместе с тем Кант признавал *принципиальную непостижимость* того, *каким образом* «чистый» разум выполняет практическую, морально-мотивирующую функцию (см.: *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т.4. Ч.1. С. 308), т.е. по сути констатировал методологическую несостоятельность антипсихологического истолкования морали.

4. Четкое разграничение психологизма и антипсихологизма в этике и продуктивная полемика между сторонниками этих подходов затруднены тем, что ключевые в этом контексте термины – психология и психика – не имеют достаточно ясного и общепринятого определения. Даже в специальной справочной литературе их трактовки очень разноречивы, а еще и логически некорректны, тавтологичны. Более того, слово «психология» – и в обыденном языке, и в научных и философских текстах – часто употребляется для обозначения не только *науки* о психике, но и *ее предмета*, т.е. самой психики. Так, в англоязычной Википедии в большой статье под названием «Моральная психология» это заглавное словосочетание охватывает как *исследования* психических форм и механизмов морального сознания (исследования философские и научные, теоретические и эмпирические), так и *сами эти* формы и механизмы: «*Moral psychology is a field of study in both philosophy and psychology*» («Моральная психология является областью исследования как в философии, так и в психологии»), т.е. «психология» является *областью исследования* «психологии»). Незразличение психологии и психики приводило к концептуальной путанице даже в классической философии. Так, Кант,

справедливо отметив, что психология – это *эмпирическая наука*, перенес характеристику «эмпиричности» на сами *феномены психики* и на *этом* основании лишил «умопостигаемый» (как он полагал) нравственный закон какой бы то ни было причастности к человеческой психике (хотя, надо сказать, последовательно провести этот антипсихологизм он не смог, безуспешно пытаясь доказать внепсихический статус чувства долга и «уважения к нравственному закону»).

5. То или иное решение дилеммы психологизма и антипсихологизма непосредственно сказывается на решении и ряда других проблем этической теории: универсализм и партикуляризм, монизм и плюрализм моральных ценностей, природа и специфика морального долженствования, детерминизм и свобода воли, фило- и онтогенез нравственности, методы нравственного воспитания... Поэтому указанная дилемма заслуживает, на мой взгляд, большего – чем она фактически получает – внимания со стороны исследователей.